

Для других — я военный. Для себя же — я поэт. Вот моё истинное призвание.

К. Романов, Дневник, 10 августа 1888 г.

Литературное творчество великого князя Константина Романова (1858–1915), писавшего под псевдонимом «К.Р.» было широко известно в царской России и многих пленяло тонкостью чувств, душевной искренностью, разнообразием тем, изяществом форм. Одни его стихи отождествлялись с народными песнями, другие служили источником вдохновения для русских композиторов, среди которых П. Чайковский, С. Рахманинов, А. Глазунов, Э. Глиэр. Его пьеса на евангельский сюжет «Царь Иудейский» (1813) оказала влияние на М. Булгакова, который использовал её

Константин Романов

как материал в работе над романом «Мастер и Маргарита», а его переводы У. Шекспира считаются классическими по сей день.

За всю историю династии дома Романовых трудно сыскать личность столь же яркую, неудержимо щедрую в выражении творческих способностей, как великий князь Константин Константинович Романов, внук Николая I, двоюродный брат Александра III, дядя Николая II. Природа одарила его внешней красотой, бог — душой, восприимчивой ко всему прекрасному, воспитание и образование завершили дело: помыслы великого князя

были высоки и благородны и касались не только служения на благо отечеству на военном поприще, но и сферы искусств. Вся его жизнь — безупречная служба в армии, активная деятельность в качестве августейшего президента Императорской Академии наук, страстное увлечение стихами, переводами, театром и роль любящего многодетного отца, прекрасного семьянина — заслуживает того, чтобы о нём не забывали. Несомненной заслугой великого князя является создание Пушкинского дома (ныне Институт русской литературы) в системе Академии наук.

Но в советской России о К.Р. забыли. Задвинули на задворки литературоведения. Возможно, потому, что родился он не в рабоче-крестьянской среде и даже не в дворянском родовом гнезде, а в царских палатах. Он появился на свет за три года до отмены крепостного права, а начало и расцвет поэтического творчества пришёлся на годы беспрецедентного в истории романовской семьи террора, направленного против самодержавия и закончившегося убийством Александра II в 1881 году. Пролетарская революция на своём пути к социализму начала сметать всё царское, всё, связанное с именем Романовых. В новых условиях рождалась новая поэзия — острая, гремучая, натужная, как и сама жизнь. Творения августейшего поэта были отброшены в сторону: новые читатели нуждались в новых стихах, без присутствия в них бога. Константин Романов, чей эстетический идеал был неотделим от Бога, сделался ненужным.

Ненависть к самодержавию автоматически переносилась и на духовное его наследие. Наследие, вобравшее в себя не только многовековые культурные традиции царственного дома, но и культурные традиции всей России. Молодая советская литература отнеслась к стихам великого князя снисходительно, с пренебрежением. Как только его не называли! И подражателем, и второсортным поэтом, и лишённым оригинальности и самобытности стихотворцем. Между тем творчество Константина Романова, как ничьё другое, весьма показательное: это один из последних поэтов, кто сознательно воспринял и продолжил традиции классической русской поэзии. Да, его творчество — как слабый всплеск уходящей, некогда мощной поэтической волны, за которой после некоторого затишья последовала другая — с иной энергетикой. Тем дороже должно быть творчество великого князя для любителей русской поэзии, что в нём золотые отблески русской литературы оказались переплетёнными с грядущими всполохами серебра. Его творчество — как прощальная лучезарная, грустно-ласковая улыбка, посылаемая не ведавшим, что они творят, людям.

Я всю любовь, все лучшие стремленья,
Всё, что волнует грудь в ночной тиши,
И все порывы пламенной души
Излил в свои стихотворенья...

«Поймёте ль вы те чудные мгновенья», 1882 г.

Революционные критики не учитывали в своих оценках самого главного: отличие поэзии Константина Романова заключается в самом факте её рождения в атмосфере придворного регламента, когда сочинять стихи считалось неприемлемым для князей делом. При дворе всегда были поэты, призванные восхвалять самодержцев: Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев, Карион Истомин, А. Сумароков, Василий Тредиаковский, Михайло Ломоносов, Гавриил Державин, Василий Жуковский. Появление в семье Романовых публичного поэта, свободного от обязанности воспевать царя, означало наступление новых времён. До свержения самодержавия оставалось тридцать пять лет. Возвращённая во дворцах поэзия Константина Романова имела вольный характер, благодаря чему стала известна и любима не только в аристократических салонах, но и за пределами дворца. Песню «Умер бедняга в больнице военной», считавшуюся народной, распевала вся Россия. Благодаря своей потрясающей музыкальности и доходчивости, сравнимой

с удобопонятностью сказок, стихи великого князя не затерялись, не забылись. Они защитили себя сами перед напором атеизма, избрав в качестве защиты душевную простоту и православную твёрдость. Не спасовали перед мощной поэтической волной начала XX века и дошли до наших дней.

В наше время, когда государственные мужи зачастую бывают лишены не только должного воспитания, но и соответствующего образования, образ Константина Романова, блестящего офицера, государственного деятеля, гармонично развитого человека достоин быть примером для всех, кто искренне хочет принести пользу своей родине. Но, кажется, за сто прошедших лет Россия не произвела на свет никого, кто бы мог сравниться с великим князем по образованности и вкладу своих трудов в её процветание. Объять в коротком очерке личность великого князя невозможно, список его заслуг перед отечеством и перечень сфер приложения его сил займут не одну страницу. Его способность откликаться на жизнь стихами и облекать свои чувства в изящную поэтическую форму, при том, что жизнь вокруг становилась всё менее изящной, поражает не меньше, чем его невероятная работоспособность.

На благодатной почве выросла его поэзия.

Константин Романов получил блестящее домашнее образование, в числе его преподавателей были выдающиеся люди того времени — историки С.М. Соловьёв, К.Н. Бестужев-Рюмин и О. Шиховский, писатели И.А. Гончаров и Ф.М. Достоевский, композиторы Р.В. Кюндингер, И.И. Зейферт, Г.А. Ларош, профессор права И.Е. Андреевский. Константину читались лекции по политической экономии, русской словесности — всё это в числе других наук, обязательных по программе Морского училища. Великий князь знал и любил русскую литературу, владел французским, английским, немецким, латинским и греческим языками, прекрасно играл на пианино, рисовал. Воспитывался в христианском духе, был очень религиозен, в юности посетил Афон, в течение жизни переписывался с Амвросием Оптинским, хорошо знал Иоанна Кронштадтского, был дружен с А. Майковым, П. Чайковским, Я. Полонским, А. Апухтиным, особенно с А. Фетом.

По семейной традиции великий князь стал морским офицером: служил, имел награды, но уволился по слабости здоровья, перешёл в сухопутное ведомство. Занимая пост Главного начальника Военно-учебных заведений, объезжал вверенные ему учреждения, совмещая всё это с деятельностью в качестве Президента Императорской Академии вплоть до своей кончины.

Это было время перемен. В обществе оформились и укрепились различные движения — консерватизм, либерализм, народничество, анархизм, марксизм, — смесь которых создавала тревожное настроение. Совсем не удивительно, а может быть, и закономерно, что именно в этот период в царствующей семье появляется поэт, который спустился со своих высот до уровня простого солдата, чтобы рассказать о его тяжкой доле. Слишком зыбкими становились границы между царём и народом, чтобы не увидеть, не услышать друг друга. Мир менялся в большом и малом: нарастал социальный протест и... смягчался придворный этикет, о чём свидетельствует запись в дневнике великого князя: «Глядя на наших деток, припоминаю своё детство и дивлюсь, замечая, какая между нами разница. Никогда не были мы так привязаны к родителям, как дети к нам. Для них, например, большое удовольствие прибегать в наши комнаты, гулять с нами. Мы, когда были совсем маленькие, со страхом подходили к двери “Мама” (26 июня 1894)». Уже блеснули на литературном небосводе звезда Пушкина и звезда Лермонтова, позолотив лучами своего таланта литературную ниву и указав путь развития русского языка. Уже повеяло духом поэтического брожения. На этом фоне миру был явлен один из первых поэтов Серебряного века русской литературы — К.Р.

Первое стихотворение великий князь написал в 1879 году, но печататься начал позже: в 1882 году в «Вестнике Европы» появились его стихотворения. Летом 1886 г. вышел первый сборник «Стихотворения К.Р.». Всего при жизни великого князя вышло шесть поэтических сборников, не считая поэмы, кантаты, избранного и критических очерков. Мы никогда бы не узнали такого поэта, если бы не высочайшая воля Александра III, который, узнав о лирическом даровании великого князя, разрешил издание его стихов. К тридцати годам Константин Романов самоопределился, о чём свидетельствует запись в его дневнике 10 августа 1888 года: «Для других я — военный, для себя же я — поэт. Вот моё истинное призвание». Тремя годами ранее ещё одна запись: «Как бы мне хотелось быть в состоянии писать стихи постоянно, непрерывно». Ясно, как сильно мешало великому князю всё, что отвлекало его от стихов. Он чувствовал себя поэтом. Потребность вести дневник — в семье Романовых это культивировалось как обязательное условие для развития внутренней и внешней дисциплины — соседствовала с потребностью писать стихи, и предпочтение часто отдавалось второму.

Даже мысленным взором трудно окинуть все проекты, в которых участвовал Константин Романов. Кажется, где человек находил время, чтобы писать стихи? Однако находил. Вернее, стихи сами находили его, ибо весь он без остатка был заполнен волнением духа, требовавшим и нашедшим освобождение в стихах. Стихи находили великого князя, когда он служил во флоте, в Измайловском полку, когда инспектировал военные учреждения или занимался организацией празднования 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина, учреждал фонд его имени или просто отдыхал в Осташёвской усадьбе. Они сопровождали его с ранней юности и до революционных волнений 1905 года. В это время Константин Романов не писал стихов, а занимал себя переводами и делами Академии, что говорит о высшей степени его взволнованности, когда тяжело и даже невозможно осмыслить трагизм происходящего и, тем более, воплотить всё это в стихи.

В последние годы жизни его стала занимать тема Христа. Он пишет драму в стихах «Царь Иудейский» (1913), где в поэтической форме изложены события последних дней жизни Христа, вступление в Иерусалим, казнь и воскресение.

Отсутствие гражданской лирики в творчестве великого князя, в чём его часто упрекали, — это кажущееся отсутствие. Гражданская тема присутствует ровно в той степени, в какой Константину Романову было доступно гражданское общество. Будучи членом царской фамилии, живя во дворцах в окружении сонма слуг, он черпал информацию из газет и донесений подчинённых. По состоянию здоровья (астма, слабое сердце) никогда не участвовал в войне, не контактировал с рабочими и крестьянами, поэтому неудивительно, что писал он о том, что хорошо знал, что было ему близко, и никогда — о том, что было за пределами его жизненного круга. Гражданская позиция великого князя заключалась в твёрдом убеждении, что самодержавие нерушимо.

Самое плодовитое творчество Константина Романова пришлось на 1880–1890 годы XIX века, которые, по сути, являются самым противоречивым периодом русской поэзии в силу того, что общественно-политическая жизнь страны то сотрясалась взрывами народовольцев, то утопала в спорах между славянофилами и западниками. Атмосфера идейного тупика просачивалась в поэзию, вследствие чего в ней формировалось устойчивое отторжение действительности. Великий князь, рождённый и воспитанный в роскоши петербургского Мраморного дворца, не мог не чувство-

вать мрачной атмосферы, овладевшей обществом после убийства Александра II. Кроме того, русский романтизм успел задеть его своим крылом, прежде чем отступить перед наступающим реализмом. Смутное томление по недостижимому идеалу, желание найти гармонию там, где её найти невозможно, стремление к цели, которая никогда не сможет быть достигнута, так как она неведома, — эти нюансы, вкраплённые в поэзию Константина Романова, углубляют её содержание, драматизируют звучание и расширяют диапазон чувств.

Затишье на сердце... Застыли звуки песен,
Тускнея, меркнет мысль, безмолвствуют уста,
Круг впечатлений, чувств так узок и так тесен, —
В душе холодная такая пустота.

«Затишье на море... За бурю строптивой», 1885 г.

Усталый сын земли, в дни суетных забот,
Средь мелочных обид и светского волненья,
У озера в лесу ищу уединенья.

«У озера», 1889 г.

Однако сумрачность общественных настроений не коснулась поэзии великого князя настолько глубоко, чтобы стать определяющей. Благодаря цельности натуры, вере в промысел божий он уберёг свои стихи от пессимизма, цинизма, хаоса и трагического бессилия — всего, что нашло отражение в творчестве современных ему поэтов: С. Надсона, А. Апухтина, М. Лохвицкой, К. Случевского, Н. Минского, Д. Мережковского, К. Фофанова, К. Бальмонта. Его стихи, в отличие от поэтов «безвременья», сохранили чистоту содержания, ясность форм и трепетность чувств, которые не были нарушены ни бомбами народовольцев, ни ощущением близости эпохальных трагических свершений.

Одним из образцов лирики поэта является «Серенада», переложённая П. Чайковским на музыку.

О, дитя, под окошком твоим
Я тебе пропою серенаду...
Убаюкана пеньем моим,
Ты найдёшь в сновиденьях отраду;
(...)

«Серенада», 1882 г.

Вне сомнения, поэтические искания 1880–1890 годов будут неполными, если в них не учитывать творчества Константина Романова. Нельзя утверждать, что поэзия великого князя является преддверием поэзии Серебряного века. Но свою лепту в художественное освоение бурной российской действительности она всё же внесла. Как лёгкий ветерок может предвещать шквалистый ветер, так и светлые стихи Константина Романова предвосхитили появление поэзии, окрашенной в более драматические и даже трагичные тона. Его же стихи во все периоды оставались как прозрачное стёклышко, сквозь которое мир видится чуть-чуть лучше, чуть-чуть нежнее, чуть-чуть трогательнее, иногда — наивно. Но никогда — грубо, враждебно по отношению к человеку. Напротив, каждое слово в поэзии великого князя пропитано желанием и ожиданием красоты, поиском и обретением надежды на спасение.

Когда креста нести нет мочи,
Когда тоски не побороть,
Мы к небесам возводим очи,
Творя молитву дни и ночи,
Чтобы помиловал Господь....

«Когда креста нести нет мочи», 1899 г.

Константин Романов считал себя продолжателем пушкинских традиций в поэзии. В своём творчестве он ориентировался на пушкинский призыв — «Веленью Божию, о муза, будь послушна» — и всегда подчёркивал тему божественного предназначения поэта. Уже в первом опубликованном стихотворении «Псалмопевец Давид» (1882 г.) он утверждал: «Те песни мне внушает Бог». В его поэзии религиозно-нравственные принципы имеют первостепенное значение, цементируют её, делают устойчивой к влиянию на неё всего мелочного, суетного, преходящего — всего, что было недопустимым для поэтов «чистого искусства», к числу которых относят и великого князя. В его стихах не найдёшь сосредоточенности на эгоцентрических моментах, что неизбежно ведёт к тому, что душа начинает разъедаться и покрываться язвами недоверия. Он вошёл в литературу, когда в обществе царили уныние и скепсис, но критические настроения не коснулись его творчества. Константин Романов это осознавал и писал 9 апреля 1895 г. Я. Полонскому: «Скептический дух нашего времени действительно пролетел мимо меня». В его стихах преобладают светлые чувства милосердия и любви, любви к богу, к женщине, к природе, к ближнему. Главное в них —

идея о непреходящей ценности искусства. «Звездой мне служит путеводной любовь и красота» — так писал в 1887 году двадцатидевятилетний великий князь в одном из своих стихотворений.

Гармония чувств и реалистическая ясность, композиционная стройность и чистота изложения — вот то, что Константин Романов взял от стихов А. Пушкина и что сознательно поддерживал и развивал в своей поэзии, добиваясь незамутнённости её содержания и музыкальности в звучании. Непреходящую красоту поэзии великий князь видел в её связи с богом, с божественным. Без этого, считал он, жизнь, а значит и поэзия, превращаются в ничтожные явления. Только присутствие бога во всём даёт ощущение полноты жизни, даёт чувство защищённости от уныния и дарит надежду на спасение души. Он очень рано определился с ролью поэта в обществе:

Не от себя пою я:
Те песни мне внушает Бог,
Не петь их не могу я!

«Псалмопевец Давид», 1881 г.

Считая себя наследником и продолжателем традиций русской поэзии, великий князь многое впитал и от поэтов «чистого искусства», особенно А. Фет оказал на его творчество большое влияние. Но в отличие от А. Фета, ушедшего в экспрессионизм, в котором над реальностью начинала довлеть художественная составляющая, Константин Романов всегда держался в чётких рамках усвоенной им поэтической этики, где не было места ничему надуманному, надрывно-страстному, извращённому. И сейчас в поэзии Константина Романова можно найти отдых для своей души, обрести пристанище, способное укрыть от нравственных нечистот.

Бывают светлые мгновенья:
Земля так несравненно хороша!
И неземного восхищенья
Полна душа.

Творцу миров благоуханье
Несёт цветок, и птица песнь дарит:
Создателя Его созданье
Благодарит.

«Бывают светлые мгновенья», 1902 г.

Константин Романов всегда жаждал общения с природой и остро чувствовал свою близость к ней. Наблюдать за природой он мог, разъезжая по губерниям и, в особенности, в подмосковной усадьбе Осташёво, купленной им для своего многочисленного семейства в 1903 году. Бывшее дворянское гнездо очаровало великого князя, здесь он нашёл уединение и тишину, недостижимые в столице. «О, как душа полна благодаренья судьбе за благодать уединенья!» («Люблю тебя, приют уединённый!») — восторженно восклицал поэт, вдохновлённый живописным видом имениня. Обострённая чувствительность приносит августейшему поэту сладостные ощущения от общения с природой.

Люблю забраться в лес, поглубже в тень;
Там, после солнцем залитого сада,
Засушным летом, в яркий знойный день
И тишина, и сумрак, и прохлада...

«Осташёво», 1810 г.

Жасмин отцвёл, сирень увяла,
Давно нет ландышей нигде,
Один шиповник запоздалый
Ещё алеет кое-где.

«Как жаль, что розы отцветают!», 1885 г.

Господь миловал великого князя, не дал увидеть, как рухнет царский престол, как гибнут от рук большевиков трое его сыновей и как взрываются церкви по всей России. Господь призвал Константина Романова к себе в 1915 году через год после гибели любимого сына Олега, получившего смертельную рану на фронте.

Августейший поэт оставил после себя три тома сочинений и пример образованности, верного служения отечеству и русской литературе. Великий князь был первым поэтом в династии Романовых и последним из Романовых, умершим до революции и погребённым в великокняжеской усыпальнице Петропавловской крепости.